

Возвращение церкви объектов культурного наследия в контексте внутриполитических тенденций в России

Т.В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В статье рассматривается восстановление религиозных организаций в имущественных правах как результат переосмысления российским государством исторического опыта. Автор рассматривает реституцию и демузеефикацию культурного наследия как политические проблемы. Реституция церковного имущества влечет за собой наращивание субъектности Русской Православной Церкви в сфере охраны культурного наследия. Автор показывает, что этот процесс создает условия для осуществления Церковью собственной стратегии социокультурной идентификации личности.

Ключевые слова: культурное наследие, религиозная организация, этнонационализм, мультикультурализм, государственная политика, политическая тенденция.

Исходным тезисом нашей статьи является следующий: перемещение абсолютного большинства ценных предметов из церквей в музеи, музеефикация монастырских и храмовых комплексов после 1917 года в своей историко-политической основе имела не социально-политический консенсус, а экспроприацию имущества церковных юридических лиц. Причем процесс, начало которого было конституировано принятием Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», зачастую носил варварский характер¹. К концу 1970-х годов, в результате осуществления советской внутренней политики воинствующего атеизма, число действовавших храмов в России с почти восьмидесяти тысяч сократилось до 6800. Из 1498 действовавших к 1917 году монастырей в России осталось лишь 12. Из 57 духовных семинарий, действовавших в 1914 году, остались семинарии в Загорске, Ленинграде и Одессе (в первых двух городах имелись и духовные академии)[1, С.3].

¹ На основании Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23.02.1922 г. в Гохран перемещались церковные ценности из кремлевских церквей и монастырей, в том числе и из Успенского собора. Согласно Общей описи ценностей, изъятых из Успенского собора, только в апреле 1922 г. было передано в Гохран 13 ящиков (67 пуд. 2 ф. 31 зол.серебра), к которым 9 сентября того же года добавилось еще 9 пуд. серебряного «лома», состоявшего из 17 лампад, серебряной раки Патриарха Гермогена и большого серебряного подсвечника от той же раки, сделанного по рисунку Васнецова [5, 258-274].

Начало процесса «реституции»¹ имущества религиозных организаций было положено изданием Распоряжения Президента Российской Федерации от 31 декабря 1991 г. № 135-рп «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» [6]. В 1993 году Президент Российской Федерации издал Распоряжение «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» [7], поручив Правительству РФ подготовить «поэтапную передачу в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий, строений и прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий» [7].

Последним и самым значимым политическим шагом на пути к реституции имущества религиозных организаций стало принятие Государственной Думой Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (подписан Президентом РФ и опубликован 3 декабря 2010 года).

Единое культурно -исторического пространство, которое создавалось в нашей стране десятилетиями, складывалось в значительной степени в результате осуществления политики воинствующего атеизма и сопровождалось разграблением Церкви и террором в отношении священнослужителей. Эти обстоятельства дают нам достаточно оснований для того чтобы считать передачу религиозным организациям имущества религиозного назначения закономерным в своей идее, понятным с точки зрения целей и общих принципов процесс. Возвращение имущества Церкви является единственным путем, посредством которого снимаются церковно-государственные противоречия и тем самым создается базис для поиска дальнейшего консенсуса по вопросу эксплуатации культурного наследия, в частности, его музеефикации [1, С.3].

¹ Реституция (лат. restitution) – 1) восстановление поврежденного органа или ткани до нормального состояния; 2) восстановление в прежнем правовом положении. [16, с.563]. Ключевой смысл реституции — в полноте возмещения; законы, регулирующие реституцию в других странах, специально оговаривают, что при невозможности вернуть товарные ценности в натуральном виде возвращается хотя бы их стоимость в денежном выражении. Поэтому, на наш взгляд, более точным для обозначения идущих в России процессов был бы термин «имущественное отделение» Церкви от государства, раскрывающий не только имущественную, но и политическую сущность процесса.

В нашем понимании, демузеефикация объектов, имеющих статус культурного наследия, в России является естественным следствием сложного и, вместе с тем, необходимого процесса передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения. Демузеефикация носит довольно масштабный характер. На момент принятия Закона РФ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в России насчитывалось 6584 объекта культурного наследия федерального значения религиозного назначения. Из них 6402 православных объекта, 79 мусульманских, 68 католических, 13 евангелических лютеранских, 21 буддистский и 1 иудаистский объект. Помимо этого существует 4417 памятников регионального значения: 4241 православный, 86 мусульманских, 76 католических и 14 иудейских [5, С.3]. Таким образом, возможность восстановления в имущественных правах получили все религиозные организации, но контроль за большей частью демузеефицируемых памятников культуры получит Русская Православная Церковь¹. Это обстоятельство придает особую остроту самой проблеме демузеефикации разворачивающейся вокруг нее дискуссии.

В настоящей статье мы рассматриваем проблему демузеефикации культурных ценностей в контексте проблемы социокультурной идентичности. Культурное наследие играет важнейшую роль в процессе социокультурной идентификации человека. В нем потенциально сконцентрированы и система ценностей общества, и представления об «идеальном» и «нормальном для этого общества» человеке, о его роли в обществе, в своем единстве и взаимосвязи оказывающие влияние на характер и степень культурной идентификации личности.

Культурное наследие выступает в качестве элемента особого рода матрицы, в пределах которой формируется ментальность каждой отдельной личности и общественного сознания в целом, в том числе, его нацеленность на этнонационализм или мультикультуральность как доминирующий и определяющий поведения способ восприятия социокультурной и политической реальности. Другими их компонентами, в совокупности создающими конкретные и специфические условия для образования и действия индивидуального и группового сознания,

¹ Современная Московская Патриархия (РПЦ МП, название появилось в 1943 году) является одним из преемников Греко-Российской Православной Церкви.

являются традиции, качество жизни, климат, особенности местного сообщества людей, нормы и традиции их жизни, религия [3, С.41].

При переходе памятников культурного наследия в собственность Церкви, человек не лишается самой среды. Однако, в условиях отсутствия концептуальности и последовательности в осуществлении режима совместного использования государственными (муниципальными) и религиозными организациями объектов культурного наследия, непродуманности даже самых общих принципов введения этого режима, при пассивности государственных органов Церковь получила возможность определения социокультурного «режима» использования объектов культурного наследия. Рассматривая особенности этого режима, мы фиксируем тенденцию его клерикализации и этнонационализации.

Культурное на следие – это, прежде всего, среда, «пространство бытия», насыщенное символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием, в активном взаимодействии с которой субъект обретает модели и коды самоидентификации. Не только сами объекты, но и то, каким образом, в каком контексте они представлены субъекту восприятия, играет важную роль в процессе социокультурной идентификации. Сами памятники культуры, и пространство бытия «вокруг них» формируют для человека ту картину мира, систему координат, которые определяют для него систему представлений о мире, о себе, своих действиях. Пребывание человека в такой среде выступает как условие обретения им материи, пространства самоидентификации в пространстве культуры, самоотождествления с определенной социокультурной нишей.

Применяя инструментарий дискурсивного подхода, мы рассматриваем храм, монастырское подворье и музей не в качестве собственников или пространственных координат местонахождения памятников, а в качестве среды, пространства самоидентификации человека, а памятник – в качестве неотъемлемого компонента этой среды.

В результате восстановления в имущественных правах, Церковь получила возможность контролировать часть социокультурной среды, «насытив» ее, помимо конфессиональных, этнонациональными кодами и символами. Увеличение удельного веса этнонациональных компонентов в социокультурном дискурсе приводит к тому, что они стали играть более значимую роль в процессах самоидентификации личности. С этого угла зрения мы обнаруживаем, что пе-

ремещение фрески, иконы, надгробия и т.д. из музейного пространства в «декорации» Русской Православной Церкви и ее культурной политики¹, приводит к конфессионализации и этнонационализации социокультурного дискурса.

При государственном – светском - использовании памятников (например, в контексте политики атеистического государства), вокруг них сформировался преимущественно «нейтральный», тяготящийся к мультикультуральному фон социокультурной идентификации человека. Пространство художественного музея, в этом отношении, нейтрально. Памятник, помещенный в такой контекст, является объектом, интерпретация которого не предусматривает использование только одного - этнического или конфессионального кода.

Существуют примеры формирования «нейтрального» социокультурного фона и при сотрудничестве церкви и государства, причем в физическом пространстве храмов. Условием сохранения нейтралитета, как правило, является музеефикация самого храма на основе достигнутого между церковью и обществом консенсуса и в той степени, которая не ущемляет прав верующих.

В России, в отсутствие полноценной имущественной реституции, Церковь, при содействии государства, активно проводит политику социокультурной реституции. Несмотря на то, что многие памятники, независимо от места экспонирования и имущественной принадлежности, уже не могут восприниматься и существенно в качестве предмета культа, Церковь настойчиво предлагает человеку именно этноконфессиональный «вход» в пространство памятников культуры, создавая вокруг них соответствующий контекст.

Обеспечивая, в соответствии с буквой Закона, всем желающим доступ к объектам культурного наследия, она, тем не менее, «обволакивает» их этнонациональным и этноконфессиональным духом. В результате, объект культурного наследия, который должен адаптировать человека к современному мультикультурному пространству, напротив, оказывается «компасом дезориентации», поскольку этнонационализм, на наш взгляд, не что иное как симптом дезориентации в этом пространстве. Посредством адаптационных ресурсов культурного наследия должна быть устранена излишняя «нестабильность» человека в условиях многоликого мира, создаваться условия для освоения им универсальных

¹ Даже если в физико-географическом отношении координаты объекта остались прежними

культурных практик и поведенческих моделей. Церковь же навязывает определенные практики и этноконфессиональные модели.

Во всем мире этнонационализм по объективным причинам теряет своих сторонников. Напротив, мультикультурализм как установка на поддержание единства этнически неоднородного глобального общества исходит из признания культурного разнообразия как постоянного (сущностного) и ценного качества демократических политических сообществ. В рамках мультикультурализма важен приоритет демократического пути развития. Считается, что параметры соответствующей политики задает государство, с целью обеспечивать сосуществование многообразных культурных, этнических и иных общностей посредством реализации социальных и культурных программ.

Политическая составляющая рассматриваемой проблемы состоит в том, что чем в большей степени укрепляется имущественное положение Церкви, тем большее пространство социокультурной идентификации человека она может контролировать. Невмешательство государственных и региональных властей в ситуации, связанные с использованием объектов культурного наследия, может выступать косвенным свидетельством того, что проявления этнонационализма являются не столько «упущением» государства, сколько негласным компонентом государственной культурной политики, в которой Русская Православная Церковь выступает в качестве равноправного партнера государства.

Более того, рассматриваемый процесс является одним из многих в ряду этнонационализации внутривнутриполитического дискурса. Российское политическое сознание, радикализация и этнизация которого в условиях социальных и политических трансформаций была заложена советской, прежде всего, сталинской национальной политикой, в настоящее время еще в большей степени этнизируется. Население нашей страны демонстрирует крайне низкие показатели толерантности, общественное сознание современных россиян приобретает черты равнодушия, индифферентности или неприятия между отдельными позициями, а в ряде случаев тяготеет к терроризму. [4, С.4-5]. Дискурс идеологии также нестабильно и неравномерно склоняется в сторону этнонационализма. Ряд политических сил в стране ориентируется на зарабатывание политических очков, строя предвыборные программы и политические платформы, закладывая в их базис

идеологию и практику черносотенства. Пропагандируемые стратегии поведения оказываются глубоко связаны с интересами бюрократии и элиты [9, 514].

На фоне общего усиления этнонационализации возвращение Церкви имущества религиозного назначения воспринимается в обществе отнюдь не как «логичное следствие принципа отделения Церкви от государства» [8, 3], а, напротив, как слияние церкви и государства на основе идеологической базы, содержащей такие традиционные для российского государствоворования компоненты, как православие, самодержавное лидерство, «сильная власть», политический центризм, империя и т.д. Ситуация «неправильного распознавания» разделения государственной и церковной собственности усложняется для общества отсутствием понятной для него стратегии в построении государством модели своего взаимодействия с Церковью.

В контексте этих процессов этнонационализация социокультурного дискурса с участием церковью выглядит органичным компонентом этнонационализации и всей внутригосударственной жизни.

В свете этих тенденций, нельзя не задаться вопросом, станет ли возвращение Церкви ее имущества актом восстановления исторической справедливости, шагом к окончательному отделению церкви от государства, снятию церковно-государственных противоречий и наконец, необходимым этапом дальнейшей музеефикации культурного наследия и полноценного, не ущемляющего интересы граждан России сотрудничества государства и религиозных организаций в сфере охраны культурного наследия. Или существует опасность, что социокультурная реституция будет одним из направлений осуществления политики социально-политической реакции. В этом случае этнонационализация станет стабильным внутривнутриполитическим курсом, которую мы вынуждены будем рассматривать как один из симптомов ремиссии политики «укрепления вертикали», «усиления центра» и «возрождения империи». Мотив «возвращения к прошлому» суть есть наименее продуктивная компонента производных от государственного осмысления исторического опыта тоталитаризма.

Литература и источники

1. *Архинов А.* Апофеоз бессмыслицы. Никакой реституции собственности РПЦ не происходит, да и не может происходить //Частный корреспондент. – 2009. 8 мая. С.3

2. **Емельянов Н.Е.** Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 г. // Богословский сборник / ПСТБИ. - М., 1999. Вып. 3, С. 258–274

3. **Жидков В.** Культурная политика и формирование картины мира // Символы, образы, стереотипы. Исторический и экзистенциальный опыт. СПб., 2000, 150с.

4. **Зуева Т.М.** Образы политической власти в массовом сознании россиян: Автореф. дисс. ... докт филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 42с.

5. **Коробов П.** Как церковь возвращала утраченное. История вопроса // Коммерсантъ. 2009. №32/В (4087). С.3

6. Распоряжение Президента РФ от 31 декабря 1991 года «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. №3. ст. 97.

7. Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. N 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». [Электронный ресурс] // Интернет-портал RUSPRAVO [сайт]. [2008]. URL: <http://ruspravo.org/sport-rasp/12.html> (дата обращения: 23.08.2011).

8. **Саввин Д.** Церковно-государственный лабиринт. Подводные камни на пути реституции церковного имущества // АПН Северо-Запад. 2010. 29 января. С.3

9. **Тишков В.А.** Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 610с.

Растимешина Татьяна Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии МИЭТ.